

К. А. Соловьев

Выборгское воззвание

Теория и практика
пассивного
сопротивления

УДК 93/94
ББК 63.3(2)52
С60

Рецензенты:

Волобуев Олег Владимирович,
доктор исторических наук, профессор;
Иванов Андрей Александрович,
доктор исторических наук,
профессор Института истории СПбГУ

Соловьев К. А.

С60 Выборгское воззвание: Теория и практика пассивного сопротивления. — М. : Кучково поле Музеон, 2021. — 320 с. : ил.

ISBN 978-5-907174-49-8

В центре внимания автора — Выборгское воззвание (10 июля 1906 г.) депутатов распушенной Первой Думы. В монографии рассматривается история подготовки, составления, подписания текста, а также его практические последствия, но что еще важнее, интеллектуальные и институциональные основания этого документа, в которых отразились правовые концепции своего времени, представления о власти и революции, о конституции и парламенте, наконец, эмоции многочисленных участников этой драмы — и в Думе, и в правительственных кругах. В книге содержится уникальная информация, почерпнутая из материалов российских и зарубежных архивов, позволяющих по-новому взглянуть на историю начала XX в.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-907174-49-8
Тираж 300 экз.

© Соловьев К. А., текст, 2021
© ООО «Кучково поле Музеон», оригинал-макет, издание, 2021

Оглавление

Предисловие	8
Глава первая. Накануне	24
1. Эпоха Первой Думы	25
Премьер и Дума	29
2. «Тактическая психология» трудовиков	41
Трудовики	42
3. «Тактическая философия» кадетов	50
Поэзия права	62
4. Депутаты в ожидании роспуска	109
Историк в Думе	116
«Власть исполнительная да покорится власти законодательной...»	123
5. «Историческая власть» на перепутье	145
Родичев на трибуне	146
Переговоры	161

Глава вторая. Дума в Выборге 174

1. 9 июля: перед отъездом	175
2. 9 июля: первый день заседания	183
3. Ночью	189
4. 10 июля: второй день заседания	194
Юрист по призванию и по убеждению	206
5. Выборгское воззвание подписано.	
Что дальше?	219

Глава третья. Теория 232

1. Выборгское воззвание и партийная тактика	233
2. Правовые основания	236
Бюджетное право	236
Демократия или правовое государство?	237
Из чего состоит правосознание?	240
Политические элиты и общественное мнение	243
Логика конституционного строительства	244

Глава четвертая. После Думы 250

1. Время ожиданий	251
2. «Выборгская модель» проверяется практикой	258
Пророк правоведения	264
3. Кадеты после роспуска: ситуация цугцванга	293
4. Судьбы депутатов	301
Заключение	307
Именной указатель	310
Использованные фотографии	319

В 72 дня работы Первой Думы уместилось все: надежды, страхи, ощущение скорой победы и предчувствие неизбежной катастрофы. События того времени плотно населены людьми, причем очень яркими: среди них были выдающиеся ораторы и ученые, незаурядные администраторы и опытные законодатели. Были среди них и те, кто элементарно не умел читать и писать. Эту историю творили очень разные люди. Их объединяло одно: они не знали, чем она закончится. Историк же знает. Он знает всю тщетность их усилий, напрасность надежд, неоправданность ожиданий. Современники же видели себя творцами подлинной революции, которая разворачивалась на их глазах, и действовали согласно собственному пониманию политического процесса. Исследователь той неслучившейся революции обычно не замечает. Так часто бывает: современник чувствует то, что историку прочувствовать очень сложно. Зато историк знает то, о чем современник может только догадываться.

Свидетель тех событий оценивал роспуск Думы как событие чрезвычайное, чреватое большими последствиями. 9 июля 1906 г., когда был опубликован Манифест о роспуске Думы, казалось, что разверзлась бездна и прежний порядок будет сметен потоком событий. Исследователь часто склонен игнорировать такого рода оценки: для него 1906 год — совсем не бурный, не 1905-й, и тем более не 1917-й.

По следам недавних событий, в 1906 г., вышла книга «Первая Дума» Т. В. Локотя, бывшего депутата от Трудовой группы и будущего правомонархиста. В 1930 г. в Париже был опубликован труд правого кадета В. А. Маклакова практически с тем же названием. Наименования схожи, но, учитывая жизненный путь авторов, можно было бы предположить, что содержание будет решительно расходиться. Это и так, и не так.

И Локоть, и Маклаков тоскуют по утраченному времени. Оба не были довольны тактической линией, избранной думским большинством. Для Локотя принципиальный недостаток — отсутствие решительной и определенной позиции народного представительства. Естественно, недавний депутат предпочел бы видеть Думу более революционной и непримиримой. Впрочем, даже противоположная линия поведения выглядела, с его точки зрения, более логичной, нежели те колебания и нерешительность, которые характеризовали тактику Думы «народных надежд»¹. Маклаков, напротив, полагал, что представительство было чересчур бескомпромиссным. Хотя бы по этой причине рассчитывать на соглашение с исторической властью (а значит, и на уступки с его стороны) оно не могло². Разные выводы как будто предполагают и разную аргументацию. Однако в данном случае это не так. Выводы разные, а аргументация совпадает.

1. Оба автора полагали, что ошибки Думы — это прежде всего просчеты партии кадетов. Это точка зрения не кажется безосновательной, учитывая расклад сил в Таврическом дворце³.

2. Эти ошибки были предопределены тем, что кадеты заняли несвойственную им позицию, в сущности, противоречившую социальной и политической природе партии⁴.

3. В результате конституционные демократы были вынуждены соотносить свою тактику с линией Трудовой группы, поскольку ее они принимали за «истинно народную» силу. Тут сказывались комплексы, характерные для Партии народной свободы, претендовавшей выражать мнение большинства населения России⁵.

4. После некоторых сомнений Конституционно-демократическая партия предпочла программу тактике, принципы — сиюминутным установкам, что и обусловило гибкую и чересчур колеблющуюся линию поведения кадетов. «Стихийными революционерами» назвал

¹ Локоть Т. В. Первая Дума. М., 1906. С. 142.

² Маклаков В. А. Первая Государственная дума. Париж, 1930. С. 230.

³ Локоть Т. В. Первая Дума. С. 144; Маклаков В. А. Первая Государственная дума. С. 15.

⁴ Локоть Т. В. Первая Дума. С. 117–118; Маклаков В. А. Первая Государственная дума. С. 9.

⁵ Локоть Т. В. Первая Дума. С. 200; Маклаков В. А. Первая Государственная дума. С. 42.

Глава первая

Накануне

1.

Эпоха Первой Думы

9 июля 1906 г., после роспуска Государственной думы, в Выборге собрались депутаты, которые чуть более двух месяцев назад прибыли в Петербург творить историю. 27 апреля, день открытия первой Думы, и 10 июля, день подписания Выборгского воззвания, — начало и конец работы первого русского парламента. Вырывать же Выборгское воззвание из контекста думской деятельности значит не учитывать одного факта: в Выборге собрались герои передовиц практически всех периодических изданий в России на протяжении последних двух месяцев. Депутаты приехали в Финляндию в роли основных персонажей современной русской истории: с ними был багаж, собранный за 72 дня существования Думы, и выбросить его по дороге в Выборг они не могли.

Директор Петербургского телеграфного агентства, член Союза 17 октября А. А. Гирс занес в дневник 27 апреля: «Сегодня открытие Государственной думы. На улицах флаги. Погода летняя. Для нас открывается новая страница в книге нашей истории»¹. Об исторической миссии первого российского представительства не уставали говорить сторонники самых разных взглядов. Профессор В. Д. Кузьмин-Караваев, депутат от Тверской губернии, тот день описал так: «Сегодня пала стена между Россией и Западом... Какое будет завтра? Быть бесцветным оно не может. Но завтра или конец революции, или ее начало»². К предстоящему дню тщательно готовились в правитель-

¹ Гирс А. А. Дневник // ГА РФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 3. Л. 182.

² Кузьмин-Караваев В. Д. 27-е апреля // Из эпохи освободительного движения. СПб., 1907. С. 282.

что-то великое. Вечером депутаты собирались на частных квартирах, обсуждали случившееся. Не было видно только Муромцева, едва ли не главного героя прошедшего дня. На квартире М. М. Винавера собралось 10–15 лидеров партии кадетов. Надо было обсудить много вопросов — об ответном адресе государю, о программе будущей работы... Настроение же праздничное. Одеты легко, по-летнему. Ведь погода почти июльская. Все уже пообедали и даже успели отдохнуть. Заниматься делами совсем не хотелось. И тут наконец явился С. А. Муромцев — во фраке, в белом галстуке. «Откуда Вы?» — «Из канцелярии Думы. Надо же было все устроить, наладить; и я предпочел остаться и все сделать. Только накормите, ради бога; с утра ничего не ел»¹. Праздник кончался, начиналась работа. Никто не знал, чем она завершится.

«Наверно, это не совсем правильно сравнивать русскую и французскую революцию, — рассуждал в те дни английский журналист М. Бэринг. — Но все-таки именно с началом работы Думы и наступил в России свой 1789 год. События 1905 г. были лишь прологом к тому, что совершается ныне»². 21 апреля в газете «Речь» вышла статья Н. И. Кареева, историка, члена партии кадетов, депутата от Санкт-Петербурга. В ней проводится та же параллель: Россия 1906 года и Франция 1789 года. Разница, по мнению Кареева, заключалась лишь в том, что во Франции тогда все-таки было большее доверие к действующей власти³. У М. М. Ковалевского, избранного в Думу от Харьковской губернии, возникали другие ассоциации, связанные уже с английской историей, но и они придавали ему уверенности в неизбежном торжестве парламентаризма в России⁴.

¹ Винавер М. М. Недавнее. С. 81–82.

² Baring M. A year in Russia. L., 1907. P. 205.

³ Кареев Н. И. К вопросу о разгоне Думы // Речь. 21 апреля 1906. С. 1.

⁴ Ковалевский М. М. Моя жизнь: Воспоминания. С. 362–363. Впрочем, могли быть и другие оценки происходившего. 16 апреля 1906 г. член партии кадетов С. Ф. Ольденбург писал брату о поразивших его взглядах министра внутренних дел П. Н. Дурново, который не придавал общественным настроениям большого значения: «Все, что происходит теперь в России — большое недоразумение, скоро все в этом убедятся и увидят, что все это был просто пух». Знакомый Ольденбурга в ответ возмутился: «Да разве вы людей не видите, газет не читаете?» Дурново же настаивал: «Ах, что вы под гипнозом. Повторяю: все недоразумение и пух, скоро все в этом убедятся» (Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 15).

Современник говорил о смене эпох, но пока не происходила смена правительства, как бы на этом ни настаивали депутаты.

Премьер и Дума

«В Таврическом дворце мы спешно разместились на своих местах при содействии выложенных молодых чиновников Государственной канцелярии. Заняли свои места и министры: впереди, с краю, — маленький сутулый старичок Горемыкин с невыразительным лицом и с длинными белыми бакенбардами — совершенный Фирс из «Вишневого сада», рядом с ним — красивый и изящный Столыпин, потом Коковцов, Щегловитов и другие», — таким запомнился только что назначенный председатель Совета министров¹. Его практически не замечали. Фигура премьера терялась на фоне больших событий того времени. Да и сам премьер, казалось, не замечал их. Сидя в Думе на отведенных министрам креслах, он не мог победить одолевавший его сон. Голова постепенно опускалась, бакенбарды ложились на лацканы сюртука — Горемыкин засыпал, изредка открывая глаза, когда ситуация в зале заседания особенно накалялась и депутатские выступления становились чересчур громкими. Тогда он подымал голову, обводил сонными глазами народных избранников и вновь засыпал. О нем в полный голос заговорили 13 мая 1906 г., когда премьер был вынужден выступить с трибуны Государственной думы: «Горемыкин выступил один только раз... Читал он ее [свою речь] глухим старческим голосом, без малейшей выразительности, запинаясь и делая паузы в ненадлежащих местах, так что даже сидевшие в первых рядах депутаты в этом невнятном бормотании могли расслышать лишь отдельные фразы»².

В Таврическом дворце была очень плохая акустика. Не было слышно выступавших с тихим голосом и плохой дикцией. Горемыкин и не старался, чтобы

¹ Оболенский В. А. Моя жизнь и мои современники. Т. 1. С. 423. И. Л. Горемыкин произвел неблагоприятное впечатление на нового посла Великобритании в Санкт-Петербурге А. Николсона, который обнаружил «престарелого человека с заспанным лицом и пиккадилльскими бакенбардами», «возлежащим на диване, окруженным французскими романами». Премьер говорил о Думе «с величайшим презрением» (Цит. по: Портнягина Н. А. П. А. Столыпин и А. Николсон: беседы о русском парламенте (1906–1907 гг.) // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб., 2019. Ч. 1. С. 226).

² Оболенский В. А. Моя жизнь и мои современники. Т. 1. С. 431.

По оценке немецкого правоведа К. Шмитта, узловая проблема конституции — это вопрос репрезентации: кто кого представляет. В известной мере речь идет о воображаемой общности, от имени которой говорит властвующий институт, монарх или парламент. Правда, предварительно ее необходимо сконструировать, изобрести. Политическое единство — не социальный факт. Оно существует прежде всего в фантазиях политиков. Однако искренняя вера в него придает им силу и уверенность¹. Думские лидеры видели себя представителями нации — рационально мыслящего большинства, будто бы не знавшего сословных, национальных или конфессиональных перегородок. Не ставилась под сомнение ее мощь, а значит, и политическая победа в самом ближайшем будущем тех, кто имел смелость говорить от ее имени².

¹ Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О.В. Кильдюшова. М., 2010. С. 46–59.

² 23 июня 1906 г. В.И. Вернадский писал жене: «Организация партии [кадетов] идет неуклонно: все равно будущее России принадлежит ей, и едва ли может прочно установиться иной режим... Давно подготовлявшееся народное движение слишком глубоко захвачено идейным потоком. Могут быть случайности — временные падения, но в общем великая новая демократия вступила на мировую арену» (Письмо В.И. Вернадского Н.Е. Вернадской 23 июня 1906 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 37. Л. 78 об. — 79).

2.

«Тактическая психология» трудовиков

«Знаете, — говорил один англичанин, — я больше всего по личным взглядам сочувствую кадетам, но не имею и сотой доли их оптимизма. Они думают строить мост на реке, которая сегодня-завтра должна тронуться. Разве возможна такая работа? Я не помню в истории народа такого нелепого положения. Помнится 48-й год в Пруссии или Австрии. И там оттягивали решительный момент, и там обещания сменялись угрозами, уступки шли за репрессиями. Но никогда страна не стояла перед таким ужасным моментом, как теперь ваша родина...»¹ Страна на гребне революции — это еще одна трактовка ситуации в России тех дней. С ней бы согласились очень многие, в том числе и вторая по численности думская фракция, Трудовая группа².

Биография Выборгского воззвания писалась не 9 июля: тогда был лишь завершающий аккорд очень непродолжительного концерта, длившегося 72 дня. Депутаты не в Выборге формулировали свою тактику и понимание современной ситуации. Это относилось и к трудовикам, без участия которых совещание депутатов в Выборге превратилось в расширенное заседание ЦК Конституционно-демократической партии.

¹ Цитрон А. 72 дня первого русского парламента. СПб., 1906. С. 111.

² Представителям леворадикальных сил могло даже показаться, что ситуация зашла слишком далеко. Подлинная революция случится слишком скоро, намного раньше, чем бы хотелось социалистам. Бывший бакинский городской голова, член Партии социалистов-революционеров А.И. Новиков писал своей матери О.А. Новиковой (урожд. Киреевой): «Мы, революционеры, стараемся отдалить революцию, чтобы народ лучше объединился, а треповщина, кажется, хочет вызвать ее скорее на поверхность. Что революция будет — это верно, но когда — вот вопрос» (Выписка из письма А.И. Новикова О.А. Новиковой 18 мая 1906 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1981. Л. 36).

3.

«Тактическая философия» кадетов

Единство тактических приемов так же лежит в основании любой партии, как и единство программных установок. Когда же за окном революция, вопрос о тактике выходит, вероятно, на первое место. В это время важнейшая задача, стоящая перед политиком, — определить свое отношение к происходящему, а следовательно, линию поведения. В столь экстремальных обстоятельствах она не бывает случайной. За ней стоят идеологические, мировоззренческие основания, которые складываются в своего рода «тактическую философию». В чем-то она, может быть, даже более стабильна, чем программные требования. Она основывается на манере человеческого поведения, на склонностях политика к тем или иным реакциям, на привычках, в том числе и бытовых, на особенностях темперамента, которые многое объясняют. «Тактическая философия» остается константой в любом уравнении, где все переменные объясняются политической конъюнктурой. И какие бы зигзаги ни рисовала партийная тактика, у нее есть четкие границы, которые заданы «тактической философией».

В начале XX столетия П. Н. Милюков, рассуждая о политическом будущем России, вспомнил о древнеримской легенде, посвященной пророчице Сивилле, которая предложила царю Тарквинию Гордому купить книгу судеб. Скарредный царь не желал платить много и надеялся на уступки со стороны прорицательницы. Но он жестоко ошибался. Пророчица твердо стояла на своем. Вместо того чтобы сбросить цену, она бросила в огонь часть книги, продолжая настаивать на той же сумме. Тарквиний упирался. Сивилла бросила в огонь новые свитки. Цена оставалась неизменной. В итоге римскому царю

пришлось идти на уступки, выплатив Сивилле надлежащую сумму и при этом получив лишь часть книги¹.

Пересказывая эту историю, хорошо известную любому выпускнику классической гимназии, Милюков делал прозрачный намек: с историей не стоит торговаться. Она получает то, что требует. Попытка навязать ей свою волю может лишь непоправимо ухудшить ситуацию. Таким образом, будущий лидер партии кадетов подчеркивал неминуемость судьбы, а значит, и политической реформы. Правительству не следовало хвататься за прошлое. В противном случае оно рисковало потерять существенно больше.

Со статьей Милюкова внимательно ознакомились в «высших сферах». Ее читал и министр внутренних дел В. К. Плеве, большой «ценитель» нелегальной прессы и, в частности, журнала «Освобождение». Он никак не соглашался с главными выводами историка и публициста. По его мнению, нельзя уступать под давлением обстоятельств. Это дорога в никуда. Любая уступка предваряет другую, новую. Сделав первый шаг навстречу оппоненту, нельзя остановиться на полпути. Приходится отступать все дальше и уступать все больше — вплоть до окончательной капитуляции. Имея в виду это соображение, Плеве настаивал на том, что именно правительство должно формировать повестку общественного обсуждения. Оно должно не плестись в хвосте требований оппозиции, а навязывать ей собственное понимание перспектив развития страны. Представление о вредоносности уступок вполне разделял император, о чем свидетельствовала и резолюция, наложенная на записку Плеве².

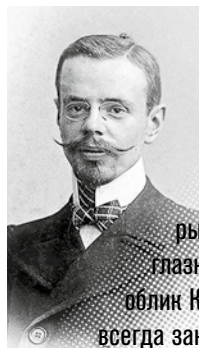
В данном случае были представлены два принципиально разных видения будущей революции, которую пророчили в разных углах России начала XX столетия. И в одном, и в другом случае революция рассматривалась как вполне вероятная и даже, может быть, неми-

¹ Любимов Д. Н. Русское смутное время. С. 54–55.

² Там же. С. 55. Примечательно, что некоторые представители либеральной мысли вполне соглашались с доводами В. К. Плеве. Например, князь П. Д. Долгоруков писал в 1904 г.: «Всякие уступки и колебания губительны для существующего режима: он держится и может еще некоторое время держаться только насильем, внушающим страх. Официальный либерализм в пределах существующего политического status quo ничего не даст и не может дать русскому обществу, ибо самые скромные минимальные требования либеральной программы, например, свобода печати или общественных собраний, несовместимы с самодержавием и потому не могут быть им осуществлены» (Долгоруков П. Д. Исторический урок // Освобождение. 15 октября 1904. № 57. С. 118).

мировать ответственный перед парламентом кабинет министров¹. Ф. Ф. Кокошкин говорил по этому поводу: «Как известно, парламентарная система управления устанавливается повсюду не законом, а обычаем, и едва ли она может быть установлена иным путем в России»².

Поэзия права

Он был человеком довольно странной внешности. По воспоминаниям В. А. Оболенского, «на знакомых он производил неприятное впечатление подчеркнутой фатоватостью своей наружности. Всегда в застегнутом сюртуке, сшитом в талию, в ботинках самой последней моды и в неимоверно высоких крахмальных воротничках, из которых выглядывало маленькое сухенькое личико с маленькими глазками, умно блестевшими из-за пенсне, — таков был внешний облик Кокошкина. Но главной особенностью его были огромные усы, всегда закрученные вверх тонкими ниточками. В Германии такие усы носили император Вильгельм и подражавшие ему офицеры, а в России — только Кокошкин, да разве еще какие-нибудь провинциальные фаты дурного тона. Но эта неизвестно для чего им самим опошленная внешность совершенно не соответствовала глубокой внутренней одаренности Кокошкина»³.

¹ Лазаревский Н. И. Народное представительство и его место в системе других государственных установлений // Конституционное государство. СПб., 1905. С. 200; Милуков П. Н. Воспоминания государственного деятеля. Нью-Йорк, 1982. С. 15; Москва. 24 мая // Русские ведомости. 24 мая 1906. № 135. С. 1.

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 76.

³ Оболенский В. А. Моя жизнь и мои современники. Т. 1. С. 463–464. Подобные воспоминания оставили многие, знавшие Ф. Ф. Кокошкина. Например, М. В. Вишняк писал: «Федор Федорович Кокошкин с первого взгляда производил несколько странное и неблагоприятное впечатление какого-то напыщенного пшюта. Выше среднего роста, сухощавый, в пенсне на огромном носу, сквозь которые глядели холодные глаза, Федор Федорович поражал безвкусицей лихо закрученных усов и длиннейшим ногтем на мизинце. Он беспрестанно курил, а когда начинал говорить, говорил громко, но так, что сначала ничего нельзя было разобрать: он не выговаривал твердого «л», гортанного «р», свистящих «ч» и «щ» и, кажется, еще нескольких букв. Надо было привыкнуть к его произношению, чтобы по достоинству оценить поразительную отчетливость его мысли и, в конце концов, прийти к убеждению, что при всех фонетических изъянах речи Кокошкин незаурядный оратор, — английского, а не французского или русского типа. На основании опыта [19]17 года могу удостоверить, что Кокошкин принадлежал к числу очень немногих, чья стенограмма речи не нуждалась в правке, — тем

Сам же Федор Федорович Кокошкин относился к своим талантам скептически, за исключением, пожалуй, одного: «Я сплошной шарлатан во всех отраслях, кроме чтения стихов. Это единственное, что я умею». Кокошкин действительно это любил, читал последние сборники стихов, ходил на поэтические вечера, часами декларировал любимых поэтов¹. Кокошкин помнил не только стихи, но и на какой странице они были опубликованы в том или ином сборнике². Он был в приятельских отношениях с Вячеславом Ивановым³, Андреем Белым⁴. Марина Цветаева писала, что «больше, чем к критикам и поэтам, прислушивалась к словам покойного Ф. Ф. Кокошкина, любившего и понимавшего стихи, по крайней мере, не меньше меня»⁵. Любовь к поэзии сыграла в жизни Кокошкина немалую роль. Именно благодаря своему декламаторскому таланту он нашел себе жену⁶.

Кокошкин принадлежал древнему дворянскому роду — настолько древнему, что его представители возводили родословную к легендарному касожскому князю Редеди. Тот враждовал с Мстиславом Владимировичем, братом великого князя Ярослава. Согласно летописи, дабы не губить дружины, князья решились сойтись в рукопашной. В итоге победа осталась за Мстиславом, а Редедя был убит. Его сын Роман принял христианство и женился на дочери Мстислава. От них и пошел род Редединых. Впоследствии его представители принадлежали трем семьям — Белеутовых, Добрыньских и Сорокоумовых-Глебовых. Василий Васильевич Глебов (XV в.) носил прозвище Кокошка. Собственно, от него и пошли все Кокошкины, включая и выдающегося юриста рубежа веков.

В семье Кокошкиных было принято старшего сына называть Федором⁷. Федор Федорович Кокошкин (1773–1838) был довольно известным драматургом, а кроме того, заметным театральным деятелем. В 1823–1831 гг. он был директором

менее в догадке, что собственно оратор хотел сказать» (Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 69).

¹ Кокошкина М. Ф. Воспоминания // ГА РФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

² Там же. Л. 72 об.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 15–16. 4 января 1918 г. Андрей Белый писал Иванову-Разумнику: «Вы знаете прекрасно: я не люблю кадетов; но я чувствовал индивидуальную симпатию к Ф. Ф. Кокошкину, от которого видел и ласку, и симпатию...» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 149). 17 января 1918 г. он признавался: «Смерть Ф. Ф. Кокошкина убила меня: три дня я не мог прийти в себя» (Там же. С. 153).

⁵ Цветаева М. И. Собрание сочинение в семи томах. Т. 5. М., 1994. С. 280.

⁶ Кокошкина М. Ф. Воспоминания. Л. 45.

⁷ Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества: В 3 т. М., 2015. Т. 3. С. 95–96.

о последнем стихотворном сборнике Анны Ахматовой¹. «Не могу дожидаться, чтобы прочесть тебе всю книгу». А потом стал говорить о себе, о жене, о будущем, которое представлялось ему исключительно счастливым. «Ручаюсь, что тебе никогда не придется уронить ни единой слезы. Ты будешь всегда хохотать. Ты должна хохотать. Это единственное, что мне необходимо, без чего я жить не могу». А потом встал и прочел стихи А. А. Фета:

«У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя различить!»

М. Ф. Кокошкина вернулась домой. Утром ее разбудила С. В. Панина. Достаточно было на нее посмотреть, чтобы понять, что случилось.

— Федор Федорович?

— Да.

— Совсем?

— Да.

И передала обручальное кольцо².

¹ Кокошкина М. Ф. Воспоминания. Л. 83 об.

² Там же. Л. 84. Впоследствии в начале 1920-х гг. М. Ф. Кокошкина (1874–1948) торговала пирожками собственного приготовления в Доме Герцена. Занималась она и инсценировкой романа Андрея Белого «Петербург» (Зайцев П. Н. Воспоминания. М., 2008. С. 54). Правда, впоследствии Андрей Белый отстранил ее от этого дела и занимался им сам (Спивак М. Л. Андрей Белый и Александр Блок глазами «кадетской дамы» (Из воспоминаний М. Ф. Кокошкиной) // Лица. № 7. М.; СПб., 1996. С. 430).

4.

Депутаты в ожидании ропуска

Депутаты выстраивали тактику на основе прогнозов и предположений — будущего своего они не знали. Слухи о скором роспуске народного представительства сопровождали деятельность Думы с самого ее рождения, как, впрочем, и слухи о скором формировании ответственного правительства. 13 мая кабинету Горемыкину был вынесен вотум недоверия. А уже 19 мая Санкт-Петербургское телеграфное агентство было вынуждено опровергнуть информацию о решении разогнать депутатов. «Это опровержение, исходившее, по-видимому, от Совета министров, появилось как раз очень кстати. В той атмосфере тревоги и подозрительности, в которой мы сейчас находимся, этот слух мог бы вызвать — может быть, совершенно неожиданно для его хитроумных инициаторов — очень серьезные последствия. Он мог бы явиться последней каплей, которая переполнила бы чашу негодования и злобы, и привести к взрыву»¹. Так писала «Речь» о последствиях лишь слухов. Их новая волна захлестнула газеты в начале июня. 6 июня со страниц «Речи» Милюков предупреждал правительство, что даже такая, вроде бы мягкая, форма роспуска, как вероятные «каникулы народного представительства, не обманет Россию и ничего не изменит во мнении страны о роспуске Думы»². А ровно через месяц Милюков, описывая ситуацию, которая может возникнуть после разгона народного представительства, утверждал, что «мы накануне гражданской войны, потому что роспуск Думы —

¹ Речь. 20 мая 1906. С. 1.

² Милюков П. Н. Год борьбы: публицистическая хроника 1905–1906. С. 371.

голодными и немытыми в ожидании кровавой расправы — вроде бы не имела альтернативы¹. Если Дума не подчинится роспуску, то логично предположить, что затем она должна будет провозгласить себя временным правительством, — так рассуждал П. Н. Миллюков. Соответственно, вставал вопрос о пересмотре прежней тактики². Для оппонентов Миллюкова остаться в Думе, вопреки воле верховной власти, — акт прежде всего символический. Он стал бы началом нового этапа борьбы. Думский период закончен, настало время материализоваться той поддержке страны, о которой до сего момента только и говорили депутаты. Сигналом тому станет «жертва», «спектакль», как говорили некоторые члены ЦК, подразумевая неминуемую расправу над непокорными депутатами. Но в самый нужный момент актерам отказали в сцене для постановки. Власть оказалась хитрее и «коварнее», чем это предполагалось, и депутатов просто-напросто не пустили в Таврический дворец. «Предлагаемые обстоятельства» оказались совсем иными, нежели те, на которые рассчитывали народные избранники.

¹ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 493.

² Там же. С. 493.

5.

«Историческая власть» на перепутье

«На улицах их [депутатов] ждал народ. Стиснутый полицией и жандармами, он неудержимой лавой течет по пути следования депутатов и приветствует их восторженными криками. Тысячи рук тянутся к избранникам народа, шапки мелькают в воздухе... тысячи голосов слились в один клик: “Да здравствует Дума! Слава избранникам народа...” Я никогда не забуду одного момента. Крестьянин-депутат, коренастый, сильный, с большой черной бородой, вдруг обратился к своему спутнику, тоже депутату, и закричал: “Прохор Степаныч, видел ты этакое?!” — он не договорил, но лицо его сияло такою радостью, какой мне никогда не приходилось встречать на лицах пожилых крестьян»¹. Все это происходило 27 апреля, в день рождения Государственной думы. Протиснуться в Таврический дворец было практически невозможно. Все было запружено народом. Один журналист, отчаявшись попасть туда, начал кричать, что он депутат Думы из левых фракций — и его буквально на руках донесли до подъезда². Нетрудно представить, что чувствовали новоявленные народные избранники, «преследуемые» толпами народа, восхищенно глядящего на своих депутатов и восторженно приветствовавших их. За пролеткой Ф. И. Родичева бежали люди, кричащие «ура» депутату от Тверской губернии (кстати, среди бежавших был и поэт Андрей Белый)³. У Таврического дворца Родичеву кричали «ура». Толпа расступилась, и он мог пройти в здание Думы. За ним

¹ Попов И. И. Дума народных надежд. С. 35.

² Любимов Д. Н. Русское смутное время. С. 399.

³ Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 76.

немного погода шел И. И. Петрункевич. «Ну вот тебе и кульминационный пункт дня», — сказал А. А. Кизеветтер своей жене¹. В. А. Оболенскому вспоминалась длинная фигура того самого Родичева, колышавшаяся над толпой восторженных петербуржцев². Его дочь стояла на Потемкинской улице и видела отца, высоко возвышавшегося над толпой. Он вышел на балкон кадетского клуба, сказал несколько слов и кланялся толпе, которая шумно аплодировала³.

Родичев на трибуне

Еще во времена Первой Думы П. А. Гейден поражался его выступлениям: «Странная вещь, кажется, все мы сидим в думской зале, спокойно и ничего страшного нет. А вот Родичев заговорил: “Кровавые призраки реют в этом зале, и их нужно убрать”. И вот в самом деле чувствуется присутствие этих призраков». По мнению дочери Родичева, Александры Федоровны, это объяснялось нервным напряжением самого выступавшего: «Иногда после речей приходилось сушить одежды отца: не только белье, рубашку и воротник, но и жилет и пиджак»⁴. Н. И. Иорданский писал, что «это был оратор трибун, демагог... Он чувствовал острую ненависть к деспотическому правительству и мог говорить очень сильные речи, полные гнева. Он, кажется, слова бросал, как молот. Во время речи он сам вдохновлялся и заряжался своим красноречием. Иногда он делал паузы, когда он выковал свои жгучие фразы. Он краснел и дрожал. На свежего человека, никогда его не слышавшего, он производил впечатление человека как бы в каком-то ненормальном состоянии,

¹ [Кизеветтер Е. Я.] Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов (Из дневника Е. Я. Кизеветтера) // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 5. М., 1994. С. 371.

² Оболенский В. А. Моя жизнь и мои современники. Т. 1. С. 425.

³ Bakhmeteff archive (BAR). Rodichev coll. Box. 25. Воспоминания дочери А. Ф. Родичевой. Л. 368.

⁴ Bakhmeteff archive (BAR). Rodichev coll. Box. 25. Воспоминания дочери А. Ф. Родичевой. Л. 689. В. В. Водовозов вспоминал: «Когда слушаешь оратора такого типа, то всегда кажется, что не он владеет словом, а слово владеет им» (Водовозов В. В. Первая революция (1905 г.) и ее ближайшие последствия // ГА РФ. ф. 539. Оп. 1. Д. 3197. Л. 133).

даже как пьяного. Недаром правые хулиганы ему кричали с мест: “Должно быть, из буфета пришел”»¹.

Выступления, обращенные не столько к депутатам, сколько к читателем завтрашних газет, нередко провоцировали острые конфликты в самой Думе. Так, слова Ф. И. Родичева о «столыпинском галстуке», сказанные на пленарном заседании 17 ноября 1907 г., произвели ошеломляющее впечатление на присутствующих. По словам С. В. Паниной, «было ощущение от этих слов, что это удар хлыста по лицу»². «Поднялась буря, — вспоминал Родичев. — Все, что были направо, вскочили с мест и вопили. Помню Пуришкевича, который с ругательствами кинулся меня бить. Его остановил плечистый Гегечкори. Помню [П. Н.] Крупенского, ругавшегося матерными словами... Больше всех поразил меня Плевако. С развевающимися волосами он спускался по переходу сверху вниз и неистово ругался матерными словами... Заседание в страшном шуме прервано»³. Депутат Третьей Думы октябрист Н. А. Мельников вспоминал, что находившийся рядом с ним П. А. Неклюдов кричал: «Вон, скотина, мерзавец!» А сидевший сзади И. В. Годнев колотил кулаком по спине Мельникова и тоже что-то кричал⁴. Всю ночь Ф. И. Родичеву «мерещились физиономии черносотенцев, желавших его побить». Он все время повторял: «Опять эти рожи... Что они со мной сделали». Он так и не заснул, а утром шум на лестнице разбудил и весь дом. Целая вереница людей пришла выразить Родичеву свое сочувствие⁵. Это

¹ Иорданский Н. И. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 84 б. Л. 114 об. — 115. Согласно воспоминаниям В. А. Оболенского, «говорил Родичев не гладко, бросая отрывочные, точно с трудом дававшиеся ему фразы, плохо между собой связанные. Но по мере развития его речи все громче и громче звучал его богатырский голос, отрывочные фразы загорались огнем страсти, били как молотом врагов, воодушевляли единомышленников» (Оболенский В. А. Моя жизнь и мои современники. Т. 1. С. 455–456).

² Bakhmeteff archive (BAR). Rodichev coll. Box. 25. Воспоминания дочери А. Ф. Родичевой. Л. 629 об.

³ П. А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 157.

⁴ Мельников Н. А. 19 лет на земской службе // Российский архив. М., 2008. Вып. 17. С. 300.

⁵ Bakhmeteff archive (BAR). Rodichev coll. Box. 25. Воспоминания дочери А. Ф. Родичевой. Л. 630. «Импровизации» Ф. И. Родичева часто провоцировали конфликты на общем собрании нижней палаты. Так, 21 марта 1913 г. служивший в канцелярии Думы Г. А. Алексеев писал отцу А. С. Алексееву: «Вчера в Думе страсти разгорелись до крайних пределов. Все, однако, не вышло бы из обычных рамок, если бы Родичев, который, как говорят, был сильно выпившим, не выпалил совершенно нелепую и глупую фразу, сказав, что [Н. А.] Маклаков возмнил себя самодержцем и, вероятно, примет титул Николая III. Конечно, раздалось возмущенные крики справа» (Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 362).

ценностей, а главное, деморализацию народного сознания»¹. Эти слова принадлежали И. Ф. Кошко, работавшему в то время под началом самарского губернатора И. Л. Блока. С этим согласились бы многие. Проблема заключалась лишь в том, какой из путей избрать. Единогласия не было. Спорили и в правительстве. П. М. Кауфман и А. П. Извольский требовали переговоров с Думой². Логика была их такова: роспуск — шаг крайне рискованный, чреватый непредсказуемыми последствиями. Он обозначал бы разрыв власти с населением. Любая созидательная работа возможна лишь при поддержке Думы. Если же действовавшее правительство не может найти согласия с депутатами, то его следует заменить. В. Н. Коковцов настаивал на чрезвычайной осторожности при решении вопроса о роспуске. Надо было выбрать верный момент для столь рискованного шага, дабы минимизировать его возможные негативные последствия. Большинство министров было настроено решительнее: роспуск Думы — дело необходимое и неотложное. Законодательное собрание стало «опорным пунктом революционного движения», и его существование угрожало государственным устоям. Согласиться на формирование ответственного правительства значит капитулировать перед стихией революции. Единственный верный путь — проявить твердость и решительность, дабы установить пределы для этой стихии. «Теперь она [власть] может еще распустить Государственную Думу, но пройдет некоторое время и будет уже поздно: перевес сил окажется на стороне революционного лагеря»³.

Но все же вопрос этот решался вовсе не на заседании правительства, а в Царском Селе, императором. На него немалое влияние оказывал Д. Ф. Трепов, бывший петербургский генерал-губернатор, товарищ министра внутренних дел, занимавший на тот момент пост дворцового коменданта⁴. В 1906 г. этот «известный генерал-

патроновержец из династии наследственных полицмейстеров»¹ оказался активнейшим сторонником формирования кадетского правительства².

Переговоры

У кадетов не было сомнения, что натиск Первой Думы должен был завершиться установлением парламентаризма и, соответственно, формированием ответственного кабинета. У них было немало оснований рассчитывать на успешную реализацию этого сценария.

В пользу этого говорили непрекращавшиеся переговоры представителей высшей бюрократии с депутатами Думы и членами Государственного совета³.

В той или иной форме они поддерживались практически с начала работ законодательного представительства. Уже 5 мая М. Я. Герценштейн писал жене, что его спрашивали, готов ли он стать министром финансов. Депутат по этому поводу не выражал большой радости: «Прошло то время, когда пост министра являлся заманчивым. И я смотрю на все это, как на тяжелую обузу»⁴. В конце мая граф П. А. Гейден беседовал со своим родственником А. Ф. Гейденом, начальником канцелярии Императорской главной квартиры, и убеждал последнего, что верховная власть должна поспешить с уступками, благодаря которым удалось бы склонить кадетов в свою пользу⁵. А 1 июня Гейден встречался с министром иностранных дел А. П. Извольским. Они сошлись на том, что выходом из сложившего критического положения могло стать лишь кадетское правительство⁶.

¹ Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора. Пг., 1916. С. 73.

² В письме А. Шебеко от 4 июня 1906 г., в частности, говорилось: «Много тоже с Извольским говорили о внутренней политике, и он в ужасе и тоже, как мы, видит спасение в кадетском министерстве, что обуздает Думу и даст возможность ее сплавить без скандала и сейчас же созвать новую» (Выписка из письма А. Шебеко 4 июня 1906 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1982. Л. 27).

³ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906 год / отв. сост., авт. предисл. Б. Д. Гальперина. М., 2011. С. 28–31.

⁴ Мосолов А. А. При дворе Российский императора. С. 125.

¹ Богораз-Тан В. Г. Мужики в Государственной Думе. С. 7.

² Интервью с Д. Ф. Треповым // Новое время. № 10876. 25 июня 1906 г. С. 4.

³ См. также: Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие... С. 52–109; Кара-Мурза В. В. Реформы или революция. К истории попытки образовать ответственное министерство в I Государственной думе. М., 2011. С. 38–67.

⁴ Жизнь и гибель Михаила Герценштейна. С. 374.

⁵ Письмо П. А. Гейдена С. М. Гейден 22 мая 1906 г. // ГА РФ. Ф. 887. Оп. 1. Д. 103. Л. 24. См. также: Шевырин В. М. Рыцарь российского либерализма. Граф Петр Александрович Гейден. М., 2007. С. 163–174.

⁶ Письмо П. А. Гейдена С. М. Гейден 14 июня 1906 г. // ГА РФ. Ф. 887. Оп. 1. Д. 103. Л. 29. В архивном фонде А. П. Извольского отложилась записка Н. Н. Львова о формировании правительства, составленного из представителей думского большинства: «Председателем Совета министров мог бы быть

кадетов, встретившихся на перекрестке Надеждинской и Знаменской улиц. Они переходили из квартиры И. И. Петрункевича на квартиру его брата, Михаила Ильича. Там проект манифеста был еще раз прочитан и исправлен. Правда, текст был уже передан трудовикам, так что исправления носили лишь редакционный характер. После этого проект был переписан в нескольких экземплярах, а оригинал уничтожен¹.

Многие депутаты, принадлежавшие к фракции кадетов, стекались в клуб Партии народной свободы. Среди них был князь В. А. Оболенский. Когда он зашел в зал фракционных собраний, там было около 30 его сотоварищей по Думе. Они столпились вокруг стула, на котором стоял П. Б. Струве, возбужденно рассказывавший о случившемся. Закончил он свою речь призывом собраться в Выборге, дабы там обсудить вопрос, как реагировать на роспуск Думы. «Это предложение было неожиданно для всех присутствовавших и со стороны некоторых... вызвало резкие возражения. Отъезд депутатов из Петербурга в такой момент мне [В. А. Оболенскому] представлялся в известной степени подчинением указу о роспуске, а отъезд в Финляндию, почти за границу, — дезертирством с ответственного поста и уклонением от открытой борьбы, которая одна достойна избранников народа. Все подобные возражения в довольно сумбурной форме раздавались из толпы, окружавшей Струве, а он, перекрикивая нас, вопил:

— Поймите, что если Дума останется в Петербурге, начнется кровопролитие... Мы не можем допустить кровопролития... Менять решения ЦК нельзя... Будет дезорганизация... Левые согласились уже ехать в Выборг...

Струве слез со стула и направлялся к выходу. Мы шли за ним, а он, отмахиваясь руками, весь красный от волнения, кричал на ходу:

— В Выборг, в Выборг!»²

«Занавес открылся, возможно, перед последним актом величайшей драмы русской революции. И ныне народ и правительство стоят лицом к лицу...» Так писала о событиях в России *New York Tribune* 22 июля 1906 г., то есть 9 июля по юлианскому календарю³.

2.

9 июля: первый день заседания

«Вчера прибыло в Выборг около 150 депутатов кадетской партии с Муромцевым во главе, и с разрешения полицмейстера стали собираться в гостинице “Бельведер”. Губернатор прибыл из деревни поздно вечером и полагал, что это собрание имеет частный характер: теперь выяснилось, что депутаты совещаются о напечатании воззвания к народу по поводу распускания Думы», — гласило донесение генерал-губернатора Финляндии от 10-го числа¹. На самом деле в Выборг отправлялись не только кадеты, но и трудовики, социал-демократы, представители Партии демократических реформ, а кроме того, журналисты, члены партийных центральных комитетов и частные лица, близкие к думским кругам². Численность же депутатов, приехавших в Выборг 9 июля, составляла, согласно М. М. Винаверу, около 180 человек (из них примерно 120 — кадеты). Многие видные народные избранники не смогли приехать: это Ф. И. Родичев, М. М. Ковалевский, М. Я. Острогорский, А. Ф. Аладьин, А. А. Свечин, И. М. Васильев. Они как раз в это время представляли Государственную думу в Англии на конгрессе Межпарламентского союза³.

Большая часть фракции кадетов прибыла на место назначения около 7 часов вечера. Они шли на экстраординарный шаг. Воображение рисовало апокалиптические картины скорого будущего. По дороге в Выборг П. Н. Милюков рассказывал А. Р. Ледницкому, что в Свеаборге

¹ Винавер М. М. История Выборгского воззвания. С. 13.

² Оболенский В. А. Моя жизнь и мои современники. Т. 1. С. 498–499.

³ Revolution in Russia. N.Y., 1969. P. 80.

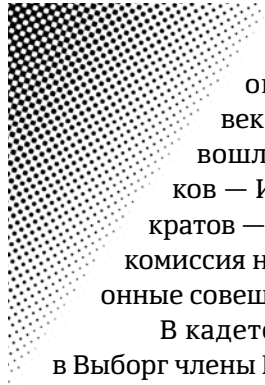
¹ Разгон Государственной думы // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 236. 1906. II отд. Д. 716. Л. 42.

² Оболенский В. А. Моя жизнь и мои современники. Т. 1. С. 499.

³ Винавер М. М. История Выборгского воззвания. С. 17.

«Наше дело — дать народу организационные лозунги», — так сформулировал задачу депутатов кадет Н. Ф. Езерский¹. Для представителей левых фракций это «дело» было второстепенным. Еще бóльшая проблема заключалась в другом. И Бондарев, и Винавер говорили в этот день, 9 июля, вроде бы схожим образом об одних и тех же проблемах, но при этом исходили из принципиально отличных мировоззренческих посылок, но пока будто бы этого не замечали.

3. Ночью

К 11:30 вечера первый день заседания закончился. Было решено сформировать редакционную комиссию, состоявшую из шести человек — по два человека от фракции. От кадетов в нее вошли Ф. Ф. Кокошкин и М. М. Винавер, от трудовиков — И. В. Жилкин и С. И. Бондарев, а от социал-демократов — Н. Н. Жордания и С. Д. Джапаридзе¹. Пока же еще комиссия не начала свою работу, были проведены фракционные совещания.

В кадетском заседании приняли участие приехавшие в Выборг члены ЦК партии — П. Н. Милюков, П. Б. Струве, А. С. Изгоев, А. В. Тыркова. Председательствовал М. М. Винавер. Судя по его воспоминаниям, споры о тексте воззвания развернулись уже тогда. Хотя сама мысль об обращении и не встречала возражений, но текст, подготовленный Милюковым, был принят далеко не всеми. Первую часть воззвания, в которой говорилось о намерениях Думы и причинах роспуска, предлагалось сократить и сделать ярче². «Слабо! Надо резче!» — кричали некоторые депутаты³. Но больше нареканий вызвала вторая часть, заключавшая в себе призыв к пассивному сопротивлению. Ее противники настаивали прежде всего на непрактичности средств борьбы, предложенных в проекте. Что может значить бойкот прямых налогов, когда государственный бюд-

¹ Винавер М. М. История Выборгского воззвания. С. 25. По воспоминаниям Ф. Ф. Кокошкина, И. В. Жилкин был крайне растерян после роспуска Думы (Письмо Ф. Ф. Кокошкина П. Н. Милюкову 30 апреля 1914 г. // ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4654. Л. 11 об.).

² Винавер М. М. История Выборгского воззвания. С. 22.

³ Он же. В ожидании роспуска и после роспуска. С. 103.

¹ Субботин И. Роспуск первой Государственной думы. С. 88.

жет формировался преимущественно из поступлений от косвенных? Отказ платить подати ударил бы не по правительству, а по земству. Набор же рекрутов предстоял лишь в ноябре. А призыв к народу не признавать займов для иностранного капитала ничего не значил. Нападали на проект воззвания и с другой стороны: говорили о его неконституционности. Винавер вспоминал Л. И. Петражицкого, который неустанно критиковал проект все два дня его обсуждения. Но все-таки большинство поддержало текст обращения: 60 голосов было подано «за», 40 — «против». На том же заседании фракции кадеты определились со своим отрицательным отношением к политической забастовке¹.

В это время проходило собрание и у трудовиков. На нем В. В. Водовозов предложил свой проект манифеста. Впоследствии, уже в 1917 г., в лекции, посвященной истории Трудовой группы, он воспроизвел содержание составленного им документа.

«Государственная дума распущена царским приказом, но она собралась в Выборге и обращается к народу со следующим предложением: народ не должен платить налогов и поставлять рекрутов. Государственная дума будет заседать либо в Выборге, либо за границей, либо в разных местах России и будет руководить революционной работой народа».

Этот текст, согласно Водовозову, и был утвержден на заседании Трудовой группы. Говоря о своем проекте, Водовозов выделил в нем два пункта, отличавших его от кадетского: «Они [кадеты] писали воззвание от имени членов бывшей Государственной думы, а не от Думы; они признавали факт разгона Думы... Наше воззвание было от Государственной думы как от учреждения. Затем мы признавали наше предложение революционным и обязались поддержать революцию, к которой призывали...»²

Замечательно, что как в самом проекте, так и в комментарии к нему проводилась мысль о необходимости «руководить» революцией, а для этого иметь революционный орган, например ту же Думу.

Наступала ночь. Но спали далеко не все. Писатель, публицист В. В. Брусянин вспоминал часы «выборгского бдения»: некоторые депутаты и представители прессы ожидали с минуты на минуту «набега

карательного отряда на гостеприимную финляндскую гостиницу»¹. Наиболее робкие депутаты этого всерьез боялись и предпочли вовремя уехать из Выборга. Не спали тогда и члены редакционной комиссии, которых этой ночью ждала работа.

Среди них были Винавер и Кокошкин. Они вынуждены были подняться в ресторанный комнату, в которой среди обедков и пустых бутылок и предстояло редактировать текст будущего воззвания. Там они как раз увидели Водовозова, писавшего нечто на листке бумаги. «Ну Вася, будет тебе, убирайся!» — сказал ему И. В. Жилкин. Водовозов смиренно удалился. Оказалось, что этим «нечто» был новый проект воззвания. Жилкин, признавая, что, «пожалуй, и читать не стоит», все-таки огласил этот вариант манифеста. Комиссия проект не обсуждала, а сразу перешла к делу. В качестве докладчика выступил Ф. Ф. Кокошкин. Он зачитывал «постатейно» документ, который отрывок за отрывком редактировался². Об этой работе Субботин писал так: «Комиссия

¹ Брусянин В. В. Судьба первых депутатов. СПб., 1906. С. 7.

² Винавер М. М. История Выборгского воззвания. С. 27. Сохранился начальный вариант Выборгского воззвания, написанный рукой Ф. Ф. Кокошкина: «Граждане всей России

Вы избрали нас своими представителями в Государственную думу и поручили нам добиваться для народа земли и воли. Мы требовали для народа свободы, мы требовали удаления безответственных министров и, главное всего, требовали земли. [И именно тогда, когда Государственная дума решительно заявила о необходимости принудительного осуждения частновладельческих земель для наделения крестьян, правительство за это распу... в ответ на это] (зачеркнуто. — К. С.). Правительство объявило [наделение крестьян землей] (зачеркнуто. — К. С.) принудительное отчуждение помещичьих земель недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердило свое решение приступить к принудительному отчуждению, был объявлен роспуск народных представителей. Вместо этой Думы правительство обещает созвать другую через семь месяцев. Целых семь месяцев Россия буде оставаться без народных представителей в такое время, когда вся страна охвачена волнением и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых семь месяцев правительство хочет действовать по своему произволу [без народных представителей] (зачеркнуто. — К. С.). Все семь месяцев оно будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы.

Граждане! Крепко стойте за [нарушенные] (зачеркнуто. — К. С.) погранные права народного представительства, стойте за Государственную думу. [Вы можете заставить правительство в самом скором времени снова созвать] (зачеркнуто. — К. С.). Ни на один день Россия не [может] (зачеркнуто. — К. С.) должна оставаться теперь без народного представительства.

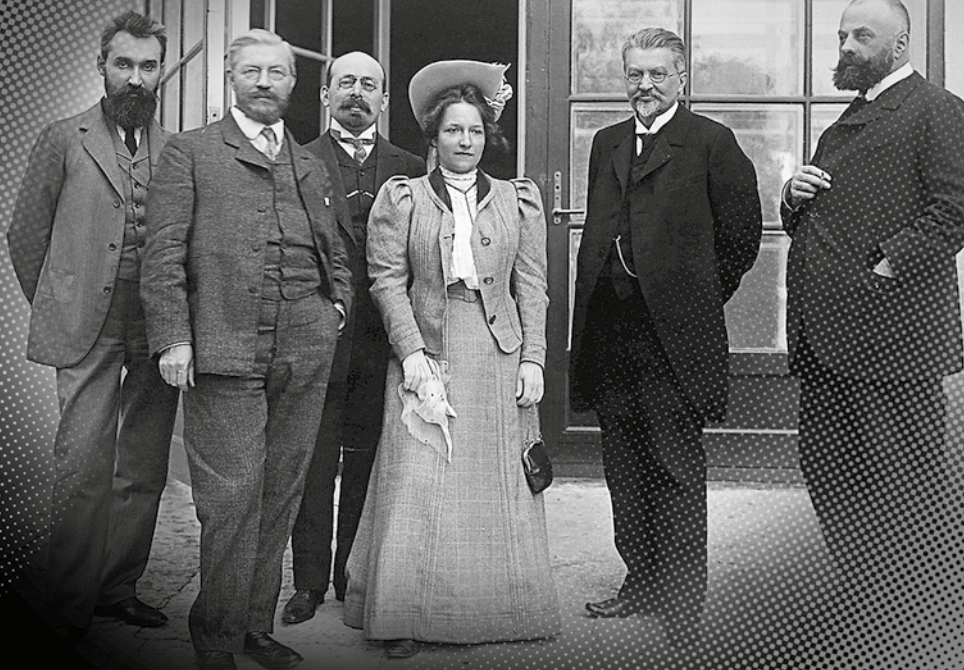
[В вас, граждане, есть верное] (зачеркнуто. — К. С.). У вас есть верное средство добиться этого. Правительство не [может] (зачеркнуто. — К. С.) не имеет права без согласия народного представительства [теперь собирать налоги с народа

¹ Винавер М. М. История Выборгского воззвания. С. 22.

² Водовозов В. В. Трудовая группа: ее происхождение и деятельность. Л. 13.

Глава третья

Теория

1.

Выборгское воззвание и партийная тактика

У Выборгского воззвания было много авторов: кто-то писал текст обращения, кто-то его редактировал, кто-то вносил поправки. Но авторство самой идеи принадлежало двум кадетам: Ф. Ф. Кокошкину и И. И. Петрункевичу. М. М. Винавер объяснял, идея пассивного сопротивления витала в воздухе. Действительно, возможность финансового бойкота обсуждалась более чем за полгода даже не до роспуска, а до созыва Первой Думы. На общеземском съезде 6–8 июля 1905 г. было принято решение о пассивном сопротивлении администрации, которое «должно быть совершаемо всеми мирными способами, не исключая и неподчинения распоряжениям власти... хотя бы подобные распоряжения и ссылались на формальный закон»¹. Князь П. Д. Долгоруков в качестве примера такого рода борьбы приводил «допущение всех книг в библиотеки, не придерживаясь каталогов, [предлагал] не обращать внимание на неутверждение и удаление администрацией служащих, касаться на экстренных собраниях всех вопросов, не упомянутых в повестках, давать помещение для собраний без разрешения администрации»². На втором съезде партии кадетов, 11 января 1906 г., Г. Д. Ромм «предлагает отказать правительству в платеже повинностей и прибегнуть к финансовому бойкоту»³. Некоторые аргументы, которые впослед-

¹ Либеральное движение в России, 1902–1905 гг. / отв. ред. В. В. Шелохаев, сост. Д. Б. Павлов, авторы примеч. О. Н. Лежнева, Д. Б. Павлов. М., 2001. С. 297.

² Письмо П. Д. Долгорукова П. Б. Струве 8 апреля 1904 г. // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 78. Л. 165.

³ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 171.

ствии приводили противники Выборгского воззвания, были озвучены тогда же. На вечернем заседании, сразу после перерыва, слово было предоставлено М. И. Фридману: «Финансовый бойкот вреден. Практика жизни, а именно 1848 год в Германии, наглядно показала, что эта мера нецелесообразна. Неуплата государственных налогов и земских сборов губительно отзовется на деятельности земств и подорвет всю культурно-хозяйственную жизнь страны. Реализация же бойкота косвенных налогов будет заключаться в том, что население должно отказаться потреблять предметы первой необходимости»¹. Дискуссия развернулась и на страницах периодических изданий. В «Русских ведомостях»², «Вестнике партии народной свободы»³ вышли статьи (причем в последнем случае все того же Фридмана), порицавшие финансовый бойкот за его бессмысленность. Однако как только вставал вопрос о способах борьбы с властью, вспоминалось именно пассивное сопротивление.

Еще весной 1905 г. Н. А. Струве⁴ интересовалась у своего корреспондента, финского публициста А. Неовиуса, возможно ли восстание в Финляндии. Тот отвечал: «Я уверен в том, что там⁵ [в Великом княжестве] восстания не будет и что мы и без него добьемся лучших времен с помощью нашей старой тактики пассивного сопротивления, как и надеюсь, что и Россия могла бы добиться необходимых перемен без открытого и общего восстания с применением в возможно больших размерах приемов пассивного сопротивления, то есть общей обструкции во всех областях государственной, общественной жизни»⁶. Это казалось возможным и в 1905, и в 1906 г. «Если наступает момент защиты народных прав внепарламентским путем, то защита путем пассивного сопротивления, как сопряженная с наименьшими жертвами для населения, обещающая победу лучше организованному, а не только материально более сильному, представляется наиболее естественным

средством борьбы для Конституционно-демократической партии»¹. Судя по этому высказыванию А. И. Каминки, пассивное сопротивление естественным образом вписывалось в тактическую схему партии кадетов. Это был призыв не к революционеру, а к обывателю. Наконец, победа пассивного сопротивления — это победа не силы, а организации. Конечно, речь идет не о той организации, на которой настаивали представители крайних партий. Для них речь шла об организации вооруженного сопротивления. Каминка рассуждал принципиально иначе: побеждает не самый сильный, побеждает история, говорящая устами самых смиренных подданных империи.

Это могло быть сформулировано и так: кадеты в Выборге передали борьбу в руки населения — теперь все уже непосредственно зависело от него самого², а не от каких-либо исполнительных комитетов, ведущих «на решительный бой». «Технология» этой борьбы была так описана П. Н. Милюковым: «В промежутке между правительством и его органами с одной стороны и активными борющимися группировками с другой лежит обширная область общественных элементов более или менее пассивных. В острые политические моменты, подобные настоящему, от настроения этой средней, обыкновенно этой молчащей массы зависит необыкновенно много. Иногда от этого настроения зависит все, и стоит этому настроению выразиться, чтобы, как по волшебству, переменились декорации очередного момента»³.

Таким образом, пассивное сопротивление — *«революция без революционеров»*. Выборгское воззвание вполне соответствовало тактическим установкам Конституционно-демократической партии. Но, помимо всего прочего, у него было и свое правовое обоснование.

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 172.

² Москва, 6 июня // Русские ведомости. 6 июня 1906. № 146. С. 1.

³ Фридман М. И. Финансовая программа конституционно-демократической партии // Вестник Партии народной свободы. 1906. № 3. Стб. 139.

⁴ Струве (урожд. Герд) Нина Александровна (1867–1943) — супруга П. Б. Струве.

⁵ А. Неовиус проживал в то время в Стокгольме.

⁶ Письмо А. Неовиуса Н. А. Струве 4 марта 1905 г. // РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 85. Л. 87 об. — 88.

¹ Каминка А. Минувшие дни! // Вестник Партии народной свободы. 1906. № 30. Стб. 1593.

² Гредескул Н. А. IV съезд // Вестник Партии народной свободы. 1906. № 19–20. Стб. 1226.

³ Милюков П. Н. Год борьбы: публицистическая хроника 1905–1906. СПб., 1907. С. 168.

Теория

любой воли¹. Так или иначе, правоведы разных школ признавали, что конституционная власть «растет снизу вверх»: от самостоятельной личности, как писал Ковалевский, до высшей формы самоуправления общества — парламента². Прежде всего на «самостоятельную личность», или же, в версии Кокошкина, на «сознательную» личность, опирается конституционное государство³. Как уже отмечалось выше, Кокошкин в этой же связи полагал необходимым формирование гражданской нации⁴. Она должна была стать подлинной основой конституционного режима. Такого института в России пока еще не было, он лишь формировался. А что же будет, если он возникнет? 1 мая 1906 г. в статье, опубликованной в журнале «Свобода и культура», Л. Галич дал следующий прогноз: действующая власть в таком случае будет поставлена в принципиально иные условия. С неизбежностью произойдет революция системы государственного администрирования. Бюрократия не сможет управлять без учета нового качества управляемого материала. В качестве примера того, что может произойти с правительством в новых обстоятельствах, Л. Галич привел мнение одного англичанина, которого спросили:

«Что случилось бы, если бы ваше правительство ввело новый налог без согласия парламента?

— Никто не стал бы его платить.

— А если бы вас попытались заставить?

— Думаю, что весь кабинет в тот же вечер висел бы на фонарях»⁵.

Так и надо понимать слова Кокошкина, сказанные им во время выборгского процесса: «Пассивное сопротивление, к которому мы призывали, является не средством анархии, оно является пробуждением сознания народных прав, сознательного отношения народа к своим обязанностям. Тот гражданин, который не платит налогов в исключительный момент и не платит только для защиты тех прав, которые он считает нарушенными, — этот гражданин есть лучший гражданин и более здоровый элемент, нежели тот, который платит

налоги и исполняет воинскую повинность из рабского, слепого повиновения распоряжениям властей»¹.

Пассивное сопротивление, предложенное авторами Выборгского воззвания, должно было как раз стать первым очевидным проявлением нации как союза граждан, готовых защищать собственные права. Должна была произойти «материализация» общественного мнения, не признающего правящий режим.

Тем самым правительству давалось бы понять, что опираться оно могло лишь на физическую силу, которую ей не обратить в правовую норму. В. М. Гессен, говоря о ситуации всеобщего недоверия к действующему правительству, привел цитату из Ж. Ж. Руссо: «Самая могущественная власть недостаточно могущественна для того, чтобы постоянно господствовать, если только она не превращает своей силы в право, а послушание других — в долг»².

Выборгское воззвание, по мысли кадетов, это осуществление революции, только особой, непохожей на то, что рисовалось в воображении социалистов. Это не «война с дворцами», не штурм исторических центров власти, не баррикады в столице и вооруженные выступления. Точнее, не только все это. Прежде всего речь шла о формировании общественного мнения, которое легитимировало все формы сопротивления власти, в том числе пассивные, как наиболее доступные мирному обывателю. Это задача технического порядка. Она достигалась посредством прессы, собраний, митингов, выступлений в Государственной думе — всего того, что заставляло и общественность, и прежде всего власть поверить: устами кадетов говорила нация. Другую, куда более значимую, проблему кадеты для себя уже решили: единственная реалистичная программа преобразования страны, соответствовавшая современным правовым идеалам и настроениям большинства, была сформулирована в их партийных документах. Казалось, на этом должны были сойтись все здравомыслящие силы тогдашней России, что объясняло неизбежность нарисованного конституционными демократами будущего, по крайней мере, для них самих.

¹ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. С. 262.

² Ковалевский М. М. Что такое парламент. СПб., 1906. С. 3.

³ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. С. 285.

⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. Сессия первая. СПб., 1906. С. 1010.

⁵ Галич Л. О способах борьбы с властью // Свобода и культура. СПб., 1906. № 5. С. 355.

¹ Классон В. Н. Депутаты Первой Думы под судом. С. 30.

² Гессен В. М. Государственная дума // Вестник Партии народной свободы. СПб., 1906. № 26. Стб. 460–461.

Глава четвертая

После Думы

1.

Время ожиданий

«Мы, несомненно, накануне страшных событий, если не произойдет резкого поворота правительственной политики. Теперь уже выясняется, что закрытием Таврического дворца историю Думы нельзя считать завершившейся. Мы стоим снова в ожидании таких потрясений, о последствиях которых страшно и мыслить»¹. Эти строки из газеты «Речь» 11 июля 1906 г. За день до того, 10 июля, вскоре после подписания воззвания, А. А. Корнилов делился с женой своими наблюдениями и предсказаниями: «Бюрократическое министерство, в котором нет и, конечно, не будет никаких “богатырей мысли”, не справится с положением и в особенности с финансами. Тут, пожалуй, и богатыри не помогли бы, а разве кудесники... В городе спокойно — до того спокойно, что гадко ходить по улицам. Но деревня, конечно, отзовется иначе, и дай бог, чтобы там дикая стихия не разгулялась чрезмерно»². Ожидались правительственные репрессии. Кокошкины, вернувшись в Санкт-Петербург, поселились в гостинице «Гранд отель». Там они прожили три дня в ожидании «развязки», то есть скорого ареста³.

Но страшные события все не наступали, если, конечно, не считать незначительные митинги, состоявшиеся 9 июля на Выборгской стороне, на Пушкинской улице в Санкт-Петербурге⁴, митинг 9-го

¹ Речь. 11 июля 1906. № 123. С. 1

² Письмо А. А. Корнилова Н. А. Корниловой 10 июля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 1161. Л. 4 об.

³ Кокошкина М. Ф. Воспоминания // ГА РФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 12. Л. 58.

⁴ Обнинский В. П. Летопись русской революции: В 3 т. Т. 3. М., 1907. С. 142; Речь. 12 июля 1906. № 124. С. 2.

Научное издание

Кирилл Андреевич Соловьев

ВЫБОРГСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ

Теория и практика
пассивного сопротивления

Выпускающий редактор: Л. А. Катренко
Художественное оформление: А. В. Сушкова
Верстка: А. И. Седяева
Цветокоррекция: С. В. Панфилов
Корректор: Л. А. Федотова

ООО «Кучково поле Музеон»
123376, Москва,
ул. Красная Пресня, д. 28, стр. 2, оф. 307
Тел.: +7 499 253 90 01
kpolemuzeon@gmail.com
www.kpole.ru

Подписано в печать 25.12.2020
Формат 145 × 215 мм
Усл. печ. л. 20

ISBN 978-5-907174-49-8

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Тел.: (495) 270 73 59
sales@chpd.ru; www.chpd.ru